что Чайковского, которого называли «товарищем», спал на конференции партии социалистов-революционеров, происходившей 1 и 2-го сентября 1906 года близ городка Куровского, а Брешко-Брешковскую, подъ кличкой «бабушки», онъ встрѣтилъ 3-го сентября того же 1906 года также на конференціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ; эти конференціи были въ лѣсу, между Куровскимъ и мѣстечкомъ «Сапогомъ». Впослѣдствіи Каменевъ узналъ, что Чайковскій и Брешко-Брешковская присутствовали на конференціяхъ по порученію Центральнаго Комитета партіи. Смѣхъ же онъ обратилъ вниманіе на то, что оба они лгали, скрывая данныя полиціею конференціи, или что-то замалчивая, а иногда вносили въ показанія и свои измѣненія.

При начальномъ допросѣ предъявленіи Чайковскаго и Брешко-Брешковской Каменевъ, свидѣтель сказалъ, что въ предъявленномъ ему мужчинѣ онъ сходствію съ тѣмъ, котораго онъ видѣлъ 1-го или 2-го сентября 1906 года въ мѣстечкѣ Сапогомъ одинаковый ростъ и сложеніе корпуса, но волосы и борода у присутствующаго на конференціи были короче, а борода имѣла бѣловатые оттѣнки, въ виду чего и выразилъ сомнѣніе въ тождественности этихъ лицъ; въ Брешко-Брешковской же признавъ бывшую на конференціи «бабушку».

Изъ протокола предъявленія видно, что Чайковскій въ моментъ показанія его Каменеву имѣлъ длинную, совершенно сѣдую, до груди бороду и длинные до плечъ волосы, чего у него не было при его задержаніи, и что дѣлало его не похожимъ на снятую съ него тогда фотографическую карточку.

Свидѣтель Нейкеверъ Патекинъ удостовѣрилъ, что осенью 1906 года онъ жилъ одно время въ одной комнатѣ съ Федоромъ Корольковымъ, который лишенъ членомъ С.-Петербургскаго Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ и имѣющимъ центральныхъ партійныхъ разносокъ въ С.-Петербургѣ. Смѣхъ же Патекинъ въ то время состоялъ въ боевой дружинѣ той-же партіи, а свободной дружиной былъ Валентинъ Коноплянскій. Съ помѣщенія по дѣламъ дружины Патекинъ встрѣчался въ пріемной Электротехническаго Института, гдѣ было очень удобно видѣться, и куда имѣли свободный доступъ всѣ партійные дѣятели, такъ какъ тамъ, въ виду общаго революціоннаго настроенія студенчества, никто посѣтителей не опрашивалъ, а отсрочка дѣлъ предупреждала, если собраніемъ или отдѣльнымъ лицамъ грозила какая либо опасность. Въ серединѣ октября или въ началѣ ноября 1906 года Патекину надо было лишиться въ 3-мъ часомъ дня въ Электротехническій Институтъ для полученія отъ Колосовскаго для дружинниковъ револьверовъ Маузера и Парабеллума. Вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Институтъ и Корольковъ, для этого случая принадлежащій. На вопросъ Патекина, зачѣмъ онъ туда идетъ въ такомъ видѣ, Корольковъ отвѣтилъ ему: «Тру видѣться съ товарищемъ», а на удивленіе Патекина «съ какимъ такимъ товарищемъ», Корольковъ показалъ, что «это нечто спавать одинъ изъ генералъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Пришедъ въ Институтъ, они прошли въ пріемную, гдѣ были уже Колосовскій, разговаривающій съ Михаиломъ Латвинымъ, начальникомъ «Сѣверо-Западнаго Летучаго Отряда партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Непосредственно съ ними, Патекинъ отъ-говорилъ съ Колосовскимъ. Въ это время въ пріемную, черезъ аналогичную дверь отъ лаборатоpіи, вошелъ Чайковскій, которого раньше Патекинъ никогда не видѣлъ. При видѣ Чайковскаго Латвинъ и Корольковъ поднялись въ ему, и подошли отъ Патекина между ними-тройки завязалась о чемъ то оживленная бесѣда, продолжавшаяся минутъ 15. Попрощавшись затѣмъ этой съ Корольковымъ, Патекинъ у него спросилъ, о чемъ у нихъ тамъ шелъ разговоръ, и Корольковъ, не называя Чайковскаго, сказалъ, что онъ давалъ «стирку» отчетъ о ходѣ партійной работы. Во второй разъ Патекинъ увидѣлъ Чайковскаго въ концѣ ноября того же 1906 года, на собраніи «летучаго боевого отряда Сѣверо-Западной Области партіи соціалистовъ-революціонеровъ», происходившемъ въ одной изъ аудиторій университета. Въ это время Патекинъ вмѣстѣ съ одной изъ группъ «Сѣверяго боевого летучаго отряда». Входъ на собраніе былъ по билетамъ, собранными при входѣ. Предсѣдателемъ собранія являлся Латвинъ. На собраніи были заслушаны два доклада, изъ коихъ одинъ былъ сдѣланъ Чайковскимъ, выступленіемъ-докладомъ. Въ рѣчи своей Чайковскій доказывалъ необходимость усиленія террора и вооруженной войны, существенность которой заключалась въ экспропріаціи капиталовъ, суммъ и имѣній изъ агентовъ правительства. Говорилъ, что усиленіе террора и начало партизанскаго войны, можно въ концѣ концовъ вызвать вооруженныя восстанія. Предостерегалъ отъ ошибокъ Московскаго Кронштадтскаго и Свеаборгскаго восстаній и выражалъ надежду на измѣненіе условія революціи. Второй докладъ имѣлся относительно оказанному Чайковскимъ. Послѣ этихъ двухъ рѣчей состоялось обсужденіе вопроса усилить терроръ и начать партизанскую войну. Какъ состоялъ Патекинъ узналъ, эта резолюція была подтверждена на съѣздѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ Финляндіи.

По свидѣтельству Патекина Брешко-Брешковскую онъ также встрѣчалъ въ С.-Петербургѣ осенью того же 1906 года. Въ началѣ этой осени онъ былъ почти ежемѣсячно на одномъ собраніи въ аудиторіи Военно-Медицинской академіи на Выборгской стороны. Тамъ были по билетамъ для членовъ революціонныхъ партій, безъ различія, какой партіи. Были соціалисты-революціонеры, соціалисты-демократы и анархисты. Въ порядокъ дня сходила Брешко-Брешковская, которую Патекинъ раньше не зналъ. Въ собраніи было сдѣлано сообщеніе о измѣненіи произведенной Столыпинымъ въ русской революціи. Въ концѣ ноября того же 1906 года, за нѣсколько дней до собранія «летучаго боевого отряда Сѣверо-Западной области», Патекинъ присутствовалъ въ помѣщеніи «Черного Лебедя» на второй партійной исключительно для членовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, собраніи. На этому засѣданіи были и Брешко-Брешковская. Въ собраніи обсуждалось положеніе, вызвавшее партіей въ то время, и было единогласно вынесено рѣшеніе: усилить партійную дѣятельность и уничтожить террористическія акты.

Показаніе Патекина на Чайковскаго или Брешковской не встрѣчалъ. Смѣхъ-онъ вскорѣ послѣ этого, вмѣстѣ съ Латвинымъ, вышелъ изъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и примкнулъ къ террористическимъ анархистамъ.

Свидѣтель Мишкинъ показалъ, что въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ онъ былъ членомъ С.-Петербургскаго Комитета, и занимался разносной партійной литературы по районамъ, благодаря чему у него въ партіи было много связей и знакомствъ. Съ членами Центральнаго Комитета партіи у Мишкина общенія не имѣлось. Съ ними сносился Петербургскій Комитетъ, какъ съ высшей партійной инстанціей. Но такъ какъ членовъ Центральнаго Комитета не много, и въ большинствѣ этѣ лицъ, извѣстнѣ грозной революціонной прошлое, то къ въ партіи, почти всѣхъ, всѣ знаютъ. Вотъ почему и Мишкину было извѣстно, что Чайковскій и Брешковская, извѣстные оппозиціонеры, являющіе себя своей выдающейся работой въ рѣдкихъ партіяхъ, принадлежали къ числу членовъ Центральнаго Комитета, и что Чайковскій занимался нелегальной обстановкой въ пользу партіи, устраивая тамъ чтенія, лекціи и митинги, и посвящая ихъ революціоннымъ вопросамъ и исторіи революціоннаго движенія. Кромѣ того, по какъ членъ партіи, Мишкинъ видѣлъ, что Брешко-Брешковская играла большую роль въ крупнѣ отдѣльныхъ партійныхъ организацій, что Чайковскій большія производилъ матеріяли, а Брешко-Брешковская въ Россіи, и что оба они по партійнымъ дѣламъ наѣ-

ТОВАРИЩИ! ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТЪ ДАЧИ ПОКАЗАНІЙ!